

С. Ю. Сапрыкин

В статье раскрываются особенности формирования верховного органа управления Херсонеса Таврического — Совета (буле) граждан.

Среди лапидарных памятников Херсонеса Таврического римского времени имеется группа проксенических декретов, в которых приводятся полные списки граждан *τῶν σφραγισμένων*, т. е. поставивших подписи под постановления Совета и Народного Собрания. Эти списки имеют особый интерес для исследователей, так как дают возможность судить о количественном составе Совета, государственной структуре, политических и гражданско-правовых институтах Херсонеса. К сожалению, большая часть надписей с указанными списками дошла лишь во фрагментах (см. *IOsPE I²*, 361, 364, 385—390, 701—703), однако три декрета сохранились полностью. Это декреты: в честь гераклеота Дия..., сына Деметрия 129/130 г. по херсонесской городской эре «царствования Девы» (*IOsPE I²*, 359); в честь Папия, сына Гераклеона, также гражданина Гераклеи Понтийской, 130/131 г.¹; в честь гражданина Синопы, относящийся ко второй половине II в., но, к сожалению, до сих пор не опубликованный (обнаружен в 1981 г. в Западном районе Херсонеса, раскопки С. А. Беляева). К означенному перечню следует добавить ряд декретов, восстановленных и дополненных Э. И. Соломоник, и, прежде всего, включенных в корпус НЭПХ II, 111, 112, относящихся соответственно к 20-м и к концу 30-х — началу 40-х гг. II в. Эта группа надписей первой половины II в. позволяет судить об изменениях в составе Совета Херсонеса на протяжении 20—25 лет и о последовательности политических реформ, которые наложили отпечаток на его структуру.

Первый, кто обратил внимание на состав буле по данным надписей, был В. В. Латышев. Уже в ранней работе о государственных древностях Херсонеса, он писал, что Совет был первой инстанцией для проектов решений, выносимых на Народное собрание, и потому имел пробулевтическое значение, как в Афинах². Позднее, в связи с публикацией декрета в честь Дия..., он отмечал, что 13 херсонеситов, включенных в состав *τῶν σφραγισμένων* без указания должности, являлись знатными гражданами, замещавшими магистратуры в предыдущем году и потому включенными в список приложивших печати наряду с магистратами данного года³. Это мнение получило поддержку у А. И. Тюменева⁴ и В. Ф. Гайдукевича⁵. Разбирая и комментируя впоследствии различные фрагменты со списками *τῶν σφραγισμένων*, В. В. Латышев указывал, что во многих случаях их порядок отличался друг от друга⁶.

Мнение В. В. Латышева, высказанное на основании декрета в честь Дия..., было убедительно опровергнуто Е. Г. Суровым в связи с обнаружением декрета в честь Папия. Согласно его точке зрения, магистраты, фигурировавшие в списке приложивших печать под декретом в честь Дия..., не были включены в аналогичный список на следующий год. Зато граждане, которые фигурировали в списке без указания должности в 130 г., опять попали в него. Это дало возможность сделать вывод о ежегодной смене магистратов, входивших в состав Совета. В нем, как считает Е. Г. Суров, было 23 члена (такое число, по его подсчетам, дают оба декрета), из коих магистратов — 11, нем-магистратов — 12⁷.

Иную точку зрения на состав *η βουλῆ* Херсонеса высказал В. И. Кадеев. По его мнению, членами Совета являлись только 12 человек, не имевшие магистратур, а должностные лица, за исключением секретаря⁸, не были его членами. Эти положения вызвали возражения со стороны Э. И. Соломоник⁹, Ю. Г. Виноградова¹⁰ и Л. А. Пальцевой¹¹. Их аргументы выглядят следую-

щим образом: подсчеты В. И. Кадеева сводятся к декрету в честь Папия и не учитывают данных декрета в честь Дия..., где фигурирует 13 граждан, не являвшихся магистратами, но скрепивших декрет печатями; общая численность «приложивших печати» в обоих надписях одинаковы, как и численность их в каждом из 3 *στίχοι*; в других декретах общая численность *τῶν σφραγισσμένων* значительно превышает ту, что засвидетельствована для проксений в честь гераклеотов; херсонеситы следили за постоянством состава Совета, не допуская изменения его численности в определенное время, для чего в случае смерти магистрата из числа скрепивших печатью (и, вероятно, немагистрата также) вводили в буле нового члена; в общем списке *τῶν σφραγισσμένων* магистраты перемешаны с немагистратами; секретарь замыкал список всего Совета, а не одной его части, если следовать выводу В. И. Кадеева.

К указанным возражениям мы считаем возможным добавить следующее. Во-первых, В. И. Кадеев при подсчетах опирался на неправильные выводы Е. Г. Сурова, который насчитал в Совете 23 члена, тогда как на самом деле в 129—131 гг. в его составе было 24 человека (23+жрец Девы, прикладывавший печать вместо нее)¹². Отсюда разное количество магистратов в декретах в честь Дия... и Папия, соответственно 11 и 12. Во-вторых, из сопоставления различных декретов видно, что некоторые лица, начавшие свою деятельность в буле как магистраты, впоследствии в течение нескольких лет входили в нее как немагистраты. Например, Гермокл, сын Аполлония (НЭПХ, II, 111; IosPE I² 359; ВДИ, 1960.— № 3), вначале ставил печать в Совете как архонт, а впоследствии входил в него как немагистрат, занимая попеременно второй и первый ряды. Это свидетельствует, что и магистраты считались членами Совета, иначе непонятно, почему после окончания своих полномочий некоторые из них были оставлены в Совете в ряду наиболее именитых членов. Наконец, в-третьих, на присутствие магистратов в составе Совета указывает включение в перечень *τῶν σφραγισσμένων* некоторых ведущих магистратских коллегий в полном составе, как, например, архонтов и номофилаков. Если бы они ставили печати только для удостоверения подлинности решений, как предлагает В. И. Кадеев, то для этого достаточно было одного-двух чиновников, а не всей коллегии магистратов. Ведь есть декреты, где означенные коллегии представлены не полностью (ср., например, НЭПХ II, 112) или не представлены вовсе¹³.

Из всего сказанного следует, что попытки ограничить количество членов Совета в Херсонесе во II в. только половиной списка *τῶν σφραγισσμένων* нельзя признать удачными, поскольку все лица, ставившие печати под постановления Совета и Народа, являлись членами Херсонесской буле.

Учитывая это обстоятельство, мы считаем возможным поставить вопрос о порядке выбора членов Совета и выяснить в связи с этим, каково было гражданско-правовое деление в Херсонесе Таврическом. Эти проблемы недостаточно разработаны в литературе из-за малочисленности сведений, однако в нашем распоряжении имеется ряд следующих друг за другом декретов, изданных на протяжении 20—30 лет, которые позволяют подойти к их решению. Нас в значительно меньшей степени интересует вопрос о должностных лицах херсонесского Совета, поскольку он достаточно разработан в науке¹⁴.

Итак, согласно декретам в честь граждан Гераклеи Понтийской от 129/130 и 130/131 г. в начале второй половины II в. в состав Совета входили 24 человека вместе со жрецом-эпонимом. В декрете в честь Дия... 11 человек из его состава имели магистратские должности, 13 — не имели. Среди магистратов, членов Совета, 5 архонтов, протек, секретарь, жрец, 3 номофилака. Все лица, скреплявшие печатями постановления, распределялись на три ряда. О значении этих рядов единого мнения нет. В. В. Латышев полагал, что это три столбца, в которых были расположены имена на подлинном документе Совета¹⁵, а Э. И. Соломоник считала, что члены буле занимали места в Совете в соответствии с тем, как рассаживались в театре¹⁶. Думается, это мнение не совсем верно, поскольку театр в Херсонесе появился только в конце IV — начале III вв. до н. э.¹⁷, а Совет функционировал как орган власти с момента возникновения Херсонеса Таврического. Э. И. Соломоник исходила из значения слова *στίχος*, которое употреблялось иногда как понятие

«ряд в театре». Однако, в некоторых херсонесских декретах (IOsPE I², 389; 392; 701) для обозначения рядов ставилось лишь буквенное выражение без *οἶχος*. Следовательно, означенное слово применялось в декретах римского времени не в значении «ряд в театре», а просто «ряд», коль скоро составители документов могли обходиться без него. Вот почему более оправдана точка зрения В. И. Кадеева, согласно которой три ряда списков «скрепивших печатями», как и коллегия 3 номофилаков, результат деления граждан в Херсонесе на три филы¹⁸, что характерно для Мегар и колоний мегарского происхождения — Византии, Калхедона, Гераклеи, Каллатиса — и восходит к традиционным дорийским филам греков гиллеям, диманам и памфилам¹⁹. В декрете в честь Папия от 130/131 г. в составе Совета 12 человек с указанием должности и столько же без него, а также 6 архонтов, а не 5 как в предыдущем декрете. Это разночтение в количестве архонтов объясняется тем, что после смерти одного из них в Совет был введен новый булеут для сохранения числа его членов. Поэтому в декрете в честь Дия... оказалось на одного человека больше без указания должности. Если это так, то в Херсонесе стремились сохранять в Совете равное количество лиц как с указанием должности, так и без него.

Названные надписи имеют большое значение для социально-политического устройства, даже если они сравнительно поздние и отражают состав Совета после неоднократных изменений государственного строя. Ведь херсонесская буле всегда оставалась традиционным органом власти, восходящим к древнейшим временам основания города. Есть мнение, что присутствие в Совете 12 человек без указания должности соответствовало тому, что в него избирали по 4 человека от каждой из 3 фил, совпадавших с делением Совета на три ряда членов. Было также установлено, что ежегодно Совет обновлялся на 6 человек²⁰. Должного объяснения эти выводы, однако, не получили.

В Гераклее Понтийской, метрополии Херсонеса, в конце VI — конце третьей четверти V в. до н. э. у власти находилась крайняя олигархия. Во главе правления стоял Совет 300 (Polyaen. 11. 30. 2), гражданство и право замещать магистратуры определялось принадлежностью к филам, как при господстве аристократических родов в Мегарах. Поскольку в Гераклее было три филы, то всей полнотой гражданских прав пользовались по 100 человек от каждой филы. Согласно Энею Тактику (Aen. XI. 10a-11) при демократическом правлении знать устроила заговор с целью свергнуть демократов, но те, увеличив количество гекатостий (сотен) с 4 до 60 при сохранении 3 фил, добились ликвидации заговора. Этим была расширена социальная база демократических устоев, а демосу, имевшему влияние в сотнях, предоставлено право замещать должности в полисной системе управления. Это сообщение удивительно точно перекликается со свидетельством Аристотеля, что в Гераклее лица, не имевшие доступа к магистратурам, «поддерживали среди населения брожение до тех пор, пока этот доступ не получили сначала старшие братья, а потом и младшие. В результате власть в Гераклее от олигархов перешла в руки 600 граждан» (Arist. Pol. V. 5. 2.). Заслуживает внимания и рассказ Юстина, что в 364 г. до н. э. тиран Клеарх арестовал 60 членов Совета Гераклеи (Justi XVI. 4). Эти сведения в целом совпадают с тем, что мы знаем о членах херсонесского Совета. Во всех этих источниках цифры кратны 6, что явно не случайно и указывает на внутреннюю связь.

Ранее свидетельство Энея мы относили к политической борьбе в Гераклее на рубеже VI—V вв. до н. э.²¹, однако, учитывая его совпадение с данными Аристотеля и Юстина, бесспорно относящимися к IV в. до н. э., будет более уместным датировать его концом V в. до н. э. или началом IV в. до н. э. В 425/424 г. до н. э. к власти в Гераклее пришли демократы, через два года бразды правления вновь оказались в руках олигархов, а демократы вынуждены были покинуть родину и выселиться в Херсонес. В момент захвата власти демократами в полисе было 3 филы и 4 сотни, а в 424—364 гг. до н. э. власть принадлежала уже 60 избранным гражданам, входившим в Совет 600. За указанный промежуток времени, согласно Энею, количество гекатостий увеличилось до 60 и право гражданства определялось принадлежностью к сотне²². Следовательно, каждая из 3 гераклеийских фил объединяла теперь 20 де-

мов, что соответствовало 3×20=60 демам. А это означает, что в момент захвата власти Клеарх арестовал 60 членов Совета, избранных по 1 человеку от каждого дема или сотни. По примеру законодательства Клисфена в Афинах эллинские полисы имели по 10 фратрий, входивших в 1 дем. В таком случае в Гераклее в 1 деме могло быть 100 граждан, что соответствовало 60 гекатостиям у Энея. Совет 600, взявший бразды правления от олигархов, объединял по 10 человек от каждой из 60 сотен, т. е. по одному человеку от фратрии (60×10=600 фратрий) при сохранении 3 фил. Поэтому при основании в 422 г. до н. э. дорийской апойкии в Херсонесе Таврическом, там, по примеру метрополии Гераклеи Понтийской, могло быть 3 филы и 4 сотни-гекатостии, либо 3 филы и 60 гекатостий, как при демократии или умеренной олигархии.

Принимая во внимание это обстоятельство, ежегодное обновление херсонесского Совета на 6 человек можно объяснить тем, что в него входило по 6 членов от каждой из 4 гекатостий, при том, что всего в буле состояло 24 члена и Херсонес повторял административно-территориальное деление своей метрополии. Тогда в раннем Херсонесе, как в Гераклее при демократах, гражданство определялось принадлежностью к гекатостиям-сотням. Следовательно, Херсонес по государственному устройству изначально был демократической колонией.

Как известно, переселенцы из Гераклеи Понтийской называли свою новую родину Мегарика (Plin. IV. 85) в память о прародине Мегарах. В этом полисе гражданство также определялось принадлежностью к сотням, число которых колебалось от 5 до 6. В зависимости от этого менялось и число членов в различных магистратских коллегиях Мегар, но их количество как правило не выходило за пределы 5—6 человек, числу равному количеству мегарских ком или сотен-гекатостий, перенесенных затем в колонии²³. Вот почему и в Херсонесе встречается коллегия архонтов в составе 5—6 человек: в надписи в честь Дия... их 5, а в надписи в честь Папия — 6. Означенная цифра совпадает с числом ежегодно сменяемых членов буле, коих также было 6. А это подтверждает членство граждан Херсонеса по гекатостиям.

В соответствии с существованием 4 гекатостий находит объяснение деление 24 булевтов на равное число лиц как с указанием занимаемой должности, так и без оногo (по 12 человек в обоих случаях). Вероятно, на каком-то этапе в буле избирали по 4 человека от каждой из 3 фил и по 3 человека от каждой из 4 гекатостий. В результате получалось одинаковое количество лиц, имевших право замещать должности в полисной иерархии и не имевших такого права. По данным Аристотеля это стало причиной острой политической борьбы в Гераклее. Деление членов Совета на магистратов и немагистратов можно, очевидно, рассматривать как политическую уступку олигархии демосу, политические позиции которого всегда были сильными именно в сотнях в противовес родовым филам, традиционной опоре знати. Поскольку во II в. магистратуры в Херсонесе занимали только представители знати, то отсутствие у 12 членов гекатостий указания на магистратскую должность соответствовало их происхождению из среды демоса. Так что в Херсонесе и Гераклее гражданство на определенном этапе определялось либо по филам, либо по гекатостиям.

Высказанные положения подтверждаются другими надписями. Во фрагменте декрета НЭПХ II. 111, который Э. И. Соломоник датирует началом 20-х гг. II в. насчитывается 25 человек, «приложивших печати» на постановление Совета и Народа. В их число входили жрец, 5 архонтов, номофилак, продик, секретарь Совета, т. е. 11 должностных лиц и 14 немагистратов. Отличительная особенность документа — отсутствие деления булевтов на ряды. Издательница документа объясняет это обстоятельство неустоявшейся практикой составления надписей, однако, на наш взгляд, дело здесь в другом. С момента реорганизации Совета в 25 г. до н. э. прошло уже более 100 лет, за которые практика оформления решений высших органов власти должна была прочно войти в жизнь. Ведь Херсонес вообще отличался известным консерватизмом полисных устоев как в политике и государственной деятельности, так и в области культуры и языковых традиций. Отсутствие деления на 3 ряда членов объясняется скорее порядком выбора булевтов не от фил, когда

члены Совета рассредоточивались по рядам согласно тому, какую из трех фил представляли, а по сотням-гекатостиям.

В Мегарах, прародине херсонесцев, количество сотен первоначально равнялось пяти²⁴, в зависимости от чего ряд магистратских коллегий, как, например, коллегия стратегов, состоял из пяти членов. В Херсонесе Таврическом на рубеже нашей эры коллегия стратегов уступила место коллегии архонтов, занявшей видное положение в государственном управлении полиса. Число архонтов при этом варьировалось от 5 до 6 человек²⁵. В надписи из Херсонеса, о которой идет речь, архонтов пять, поэтому можно предположить, что в начале 120-х гг. 25 членов буле могли быть избраны по 5 человек от каждой из 5 сотен-гекатостий, что и давало в сумме общее число булевтов. В греческих городах мегарского происхождения Византии и Калхедоне было 6 стратегов, что дало возможность некоторым исследователям отрицать зависимость числа магистратских коллегий от количества ком-сотен в Мегарах. По их предположениям число 6 для членов коллегии соответствовало избранию 2 человек от каждой из 3 фил²⁶. Однако в разные отрезки времени число стратегов в Мегарах колебалось, снижаясь до 5. Это обстоятельство нельзя объяснять зависимостью от фил, так как подобное число не кратно трем. Будет, очевидно, правильнее предположить вслед за А. Бекком и К. Ханелем, что в случае, когда мы имеем дело с коллегией из 5 членов, следует ставить их избрание в зависимость от 5 мегарских ком-сотен²⁷. В случае с херсонесской надписью НЭПХ II, 111 5 архонтов и отсутствие деления списка «приложивших печати» на ряды дает возможность предположить, что в данном контексте избрание в Совет происходило не по филам, а по гекатостиям. Как показывает пример Гераклеи, общее число сотен могло меняться, а потому неудивительно, что и в ее апоикии Херсонесе в первой четверти II в. могло быть 5 гекатостий, как в Мегарах, принадлежность к которым давала всю полноту гражданских прав, в том числе и возможность быть избранным в буле. С другой стороны, сохранялось деление и на филы, коль скоро коллегия «стражей закона» — номофилаков, как и много лет назад, состояла из 3 человек, вероятно, согласно традиции деления на три филы. Однако права гражданства филы уже не гарантировали, так как выполняли только культурные и социально-политические функции. Любопытно, что в херсонесской надписи нет явных признаков концентрации власти в руках одной аристократической фамилии, что свойственно декретам полиса конца 20-х — начала 30-х гг. Данное обстоятельство также свидетельствует, хотя и косвенно, что выборы граждан в Совет происходили по гекатостиям.

В тезисной публикации нашего доклада на юбилейной научной конференции в Севастополе в 1988 г., посвященной 100-летию регулярных археологических раскопок Херсонеса, мы приводили в качестве доказательства отмеченного положения декрет ок. 140 г., восстановленный Э. И. Соломоник, в котором она более-менее полно определяет общее количество булевтов, коих, по ее мнению, было 38 человек (НЭПХ II, 112). Исследовательница полагала, что к этой надписи можно отнести фрагмент, случайно обнаруженный А. К. Тахтаем в 1943 г. во втором квартале в районе III поперечной улицы. Этот фрагмент был опубликован им же в 1947 г., хранился в ГХМ, а затем был утерян. До самого последнего времени реконструкция надписи и сделанные на этом основании подсчеты членов Совета, а также выводы о государственном строе Херсонеса Э. И. Соломоник считались почти бесспорными. Лишь Ю. Г. Виноградовым и мною в упомянутом докладе²⁸ были сделаны небольшие поправки к чтению отдельных личных имен булевтов, а также высказаны заключения относительно возможности избрания в буле 40 граждан от 4 сотен-гекатостий. И лишь недавно при расчистке собора св. Владимира был случайно обнаружен утерянный фрагмент «Г» надписи № 112, опубликованный А. К. Тахтаем. Как оказалось, по характеру шрифта он никак не может относиться к указанной надписи и восстановления Э. И. Соломоник, таким образом, не имеют оснований. Равно как и все сделанные ранее выводы о государственном строе Херсонеса, которые базировались на опубликованной Э. И. Соломоник реконструкции. Учитывая это обстоятельство, мы вынуждены снять наши замечания и выводы по этой надписи, вы-

сказанные в упомянутой выше тезисной публикации, ввиду невозможности определить точное число членов Совета по остаткам надписи НЭПХ II. 112.

На основании херсонесских декретов первой половины II в. можно составить представление об изменениях в социально-политическом строе Херсонеса Таврического и роли его гражданских институтов. В первой четверти II в. гражданскими правами в Херсонесе наделяли в зависимости от принадлежности к гекатостиям, которых официально насчитывалось пять, как на херсонесской прародине в Мегарах. В результате влияние демократических слоев полиса усилилось, так как они всегда имели опору в сотнях, как это практиковалось в Гераклее. В этой связи политический строй Херсонеса Таврического в указанный период можно охарактеризовать либо как демократический умеренного толка, либо как олигархический с элементами демократии, когда, по Аристотелю (Pol., III, 3, 2, 1278 a) ремесленник и поденщик являются гражданами, а должности распределяются в соответствии с достоинством и добродетелью (Pol., 1278 a, 18 sqq.) среди аристократов. В конце 20-х — начале 30-х гг. II в. усилилась аристократизация государственного строя Херсонеса, основные магистратские должности оказались в руках нескольких семей, имевших римское гражданство и носивших родовые имена Титов Флавиев — Т. Фл. Агеполиса, Т. Фл. Насона, Т. Фл. Евридама. Одной из ветвей рода Т. Фл. Насона являлся род Т. Фл. Парфенокла. В это время (129—131 гг.) усилилось влияние фил — гентильных и религиозных институтов, сохранявших значение в дорийских полисах в течение долгого времени. Принадлежность к филам давала означенным семьям возможность концентрировать власть в своих руках. Однако, демократические слои Херсонеса были сильны, поэтому знать пошла на некоторые политические уступки: она разрешила избирать в Совет не только представителей фил, но и тех, кого выдвигали гекатостии. Это делало политический строй Херсонеса умеренно олигархическим, хотя и с большим креном в сторону аристократизации. Сложилось такое положение, когда все ведущие магистратуры замещали только представители знати, группировавшиеся в филах.

Однако, в конце 30-х — начале 40-х гг. II в. влияние демоса в сотнях опять повысилось. Вследствие чего произошло расширение гражданских прав, что вызвало увеличение количества членов Совета за счет представителей гекатостий. Тем самым уравнивалось влияние аристократии в филах, сохранявших еще свое значение и позволявших знати контролировать магистратуры, следя за деятельностью Совета. Все это дает право охарактеризовать политический строй Херсонеса в первой половине II в. как умеренно-олигархический, когда влияние знати в филах дополнялось активностью демократов в сотнях, не позволяя сползать к крайней олигархии. Все это отражалось на составе херсонесского Совета.

Таким образом, херсонесский Совет традиционно объединял граждан полиса по филам и сотням. Его члены избирались в основном по гекатостиям, которые в свою очередь делились на фратрии.

Примечания

¹ Суров Е. Г. Новая херсонесская надпись // ВДИ.— 1960.— № 3.— С. 154 сл.

² Латышев В. В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического // ЖМНП.— 1884.— Июнь.— С. 48, 49.

³ Латышев В. В. Эпиграфические этюды. IX. Херсонесский почетный декрет // ПОНТИКА.— СПб., 1909.— С. 327.

⁴ Тюменев А. И. В. В. Латышев и история Херсонеса // СА.— 1958.— XXVII.— С. 24.

⁵ Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья.— М.— Л., 1955.

⁶ Латышев В. В. Дополнения и поправки к изданным надписям // ИАК.— 1907.— Вып. 23.— С. 59—62.

⁷ Суров Е. Г. Указ. соч.

⁸ Кадеев В. И. К вопросу о составе херсонесского Совета в первых веках н. э. // ВДИ.— 1971.— № 3.— С. 128, 129.

⁹ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— К., 1973.— С. 32.— Прим. 46.

¹⁰ *Виноградов Ю. Г.* Рец. на кн.: Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи.— К., 1973 // ВДИ.— 1975.— № 1.— С. 171, 172.— Прим. 6.

¹¹ *Пальцева Л. А.* О должностных лицах херсонесского Совета в первые века н. э. // ВДИ.— 1977.— № 3.— С. 176 сл.

¹² На это обстоятельство было указано Э. И. Соломоник (*Соломоник Э. И.* Указ. соч.— С. 25.— Прим. 28) и Ю. Г. Виноградовым (*Виноградов Ю. Г.* Указ. соч.— С. 172.— Прим. 6).

¹³ *Латышев В. В.* Дополнения...— С. 60.

¹⁴ *Латышев В. В.* Эпиграфические данные...— С. 67—77; *Новикова Р. А.* Эпиграфические данные о стратегах Херсонеса Таврического и родственных ему городов // Исследования по истории феодально-крепостнической России.— М.— Л.— С. 192 сл.; *Пальцева Л. А.*— Указ. соч.— С. 175 сл.; ср. также: *Толстой И. И.* ΜΝΗΜΟΜΕΣ // ЖМНП.— 1905, февраль.— С. 89—91; *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический.— Л., 1948.— С. 69, 70.

¹⁵ *Латышев В. В.* Эпиграфические этюды...— С. 327.

¹⁶ *Соломоник Э. И.* Указ. соч.— С. 33—36.

¹⁷ *Домбровский О. И.* Античный театр в Херсонесе // СХМ.— 1960.— Т. 1.

¹⁸ *Кадеев В. И.* Указ. соч.— С. 128.

¹⁹ *Hanell K.* Megarische Studien.— Lund.— 1934.— S. 138—144.

²⁰ *Кадеев В. И.* Указ. соч.— С. 128, 129; *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч.— С. 171.

²¹ *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический.— М., 1986.— С. 35—38.

²² *C. Burstein* (*Burstein S.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea.— Berkeley.— Los Angeles, 1976.— P. 45, 125) и Э. Д. Фролов (*Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса.— Л., 1988.— С. 221) датируют свидетельство Энея 370 г. до н. э. Если такая датировка верна, то демократы могли в первой половине IV в. до н. э. на короткое время вернуться к власти, но после контрпереворота олигархов административно-государственное деление граждан осталось таким, каким его установили демократы ок. 370 г. до н. э. Это подтверждает характеристику строя в Гераклее накануне прихода к власти Клеарха как умеренную олигархию (см.: *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея.— С. 50).

²³ *Hanell K.* Megarische Studien.— Lund. 1934.— S. 138; *Новикова Р. А.* Эпиграфические данные о стратегах Херсонеса Таврического // Исследования по истории феодально-крепостнической России.— М.— Л., 1964.— С. 197.

²⁴ *Hanell K.* Op. cit.— S. 138; *Highberger E. L.* The History and Civilization of Ancient Megara.— Baltimore, 1927.— P. 100; *Латышев В. В.* Эпиграфические данные.— С. 60; *Новикова Р. А.* Указ. соч.— С. 193.

²⁵ *Новикова Р. А.* Указ. соч.— С. 207, 208; *Пальцева Л. А.* Указ. соч.— С. 179; число 5—6 также характерно для других магистратских коллегий в Мегарах и их колониях, например, для полемархов, дамиургов и др. См.: *Латышев В. В.* Эпиграфические данные...— С. 67; *Hanell K.* Op. cit.— S. 139.

²⁶ *Новикова Р. А.* Указ. соч.— С. 196.

²⁷ *Voelckh A.* Comm. ad CIG. 1052—IG VII. 11; *Hanell K.* Op. cit.— S. 1.

²⁸ *Сапрыкин С. Ю.* Херсонесская буле // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса.— Севастополь, 1988.— С. 97—99.

С. Ю. Сапрыкин

ХЕРСОНЕСЬКА БУЛЕ

У статті розкриваються особливості формування верховного органу управління Херсонеса Таврійського — Ради (буле) громадян. На підставі аналізу даних ряду написів першої половини II ст., в яких наводиться повний список членів херсонеської Ради, зроблено висновок про те, що у Римський час Херсонес зберігав традиції поділу на філи та сотні-гекатостії, закладені ще при його заснуванні у V ст. до н. е. При цьому у різні періоди громадянство у Херсонесі визначалося приналежністю або до філ, або до гекатостій. У період правління олігархічної знаті, тобто представників аристократичних сімей та родів, посилювалося значення філ, а при тимчасовому посиленні демократично настроєних широких верств населення, які вимагали розширення політичних прав у сфері державного управління, збільшувалась роль сотень-гекатостій.

S. Yu. Saprykin

THE CHERSONESE BULE

Certain features of organization of Council (bule) of citizens, the supreme managerial body in the Chersonese Taurican, are described in the paper. An analysis of certain data from

inscription of the first half of the 2nd cent which presented a complete list of members of the Chersonese Council has permitted concluding that in the 5th cent. B. C. In different periods of time in the Chersonese the citizenship was determined by attribution either to phyles or to hecatostia. During the rule of oligarchially inclined nobility, i. e. representatives of aristocratic families and kins phyles acquired higher significance, while during interim intensification of democratically inclined layers of citizens who demanded expansion of political rights in the field of state management the role of political rights in the field of state management the role of sotnya-hecatostia grew rapidly.

Одержано 12.02.94.

КОВАЛЬСЬКІ ВИРОБИ СКІФСЬКИХ ПАМ'ЯТОК СЕРЕДНЬОГО ПОДНІПРОВ'Я

В. Д. Гопак

У статті викладаються результати металографічних досліджень ковальських виробів з дев'яти пам'яток Середнього Подніпров'я.

Оскільки загальний розвиток господарства Лісостепової та Степової Скіфії значною мірою визначався рівнем розвитку залізоробного ремесла, зрозумілий інтерес, що викликає ця галузь скіфського виробництва.

Завдяки роботі харківських дослідників на чолі з Б. А. Шрамком у вивченні скіфської металургії та ковальства вже досягнуто значних результатів¹. Проте, у зв'язку з першочерговою потребою у загальній характеристиці та виділенні головних рис залізообробки у лісостепових та степових скіфських племен, особливості її розвитку в окремих регіонах вивчалися менше. Зокрема, скіфські вироби пам'яток Середнього Подніпров'я представлені в матеріалах харківських дослідників не більш як десятьма екземплярами, головним чином предметами озброєння — мечами, бойовими сокирами, наконечниками списів тощо². Вироби побутового та господарського призначення вказаного регіону майже не досліджувалися.

З метою ліквідації наявної прогалини нами було відібрано й досліджено 23 ковальських вироби побутового й господарського призначення з 9 середньодніпровських пам'яток скіфської доби. Переважна більшість досліджених виробів зберігаються у фондах Археологічного музею ІА НАН України. Серед них — серп і шпилька, знайдені на Трахтемирівському городищі, серп з Ходосівського, 2 ножі, 4 шила та шпилька з Хотівського городища, ніж та серп з Жаботина, голка та шило з селища в урочищі Підгородище поблизу м. Обухова, ніж, 2 шила, 2 шпильки та уламок браслета з скіфської землянки в урочищі Ісковщина поблизу м. Каніва, жертвний ніж з кургану біля с. Єрківці. Досліджені також шпилька з с. Велика Салтанівка (матеріали розвідки 1954—1955 рр. О. І. Тереножкіна), що зберігається у фондах Є. О. Петровської, і скіфський ніж, знайдений С. П. Пачковою у Вишеньках³.

Серед досліджених виробів жаботинські належать до VII—VI ст. до н. е.⁴, речі з Трахтемирівського, очевидно, Ходосівського городищ і Підгородищенського селища — до VI ст. до н. е.⁵ Тут слід зауважити, що голка з Підгородища, хоча й знайдена в заповненні білогрудівського житла⁶, типово скіфська⁷. Вироби з Хотова датуються кінцем VI—V ст. до н. е.⁸ Жертвний ніж з Єрковець — IV—III ст. до н. е.⁹ Вироби з Ісковщини, Великої Салтанівки, Вишеньок можуть бути датовані лише в широких хронологічних межах існування в Подніпров'ї скіфських пам'яток.

У числі шести ножів п'ять екземплярів представлені так званими ножами